

детельствуя этим не только о темноте рабочих, но и о стихийной силе пробуждавшегося в рабочей массе протеста. Высшего напряжения это стачечное движение нашло в известной морозовской забастовке начала 1885 г., которая вместе с тем показала, что далеко не прошла бесплодно пропаганда народников среди рабочих. На фабрике Морозова (в Никольском, близ Орехово-Зуева, Владимирской губ.) рабочие, как и в других местах, забастовали в ответ на ухудшение условий их работы в связи с кризисом. Но здесь, в отличие от других мест, забастовкой руководили рабочие, Мосеенко и Иванов, работавшие раньше в Петербурге, участвовавшие в петербургских стачках 1878—79 г.г. и побывшие в ссылке. Они не только придали забастовке организованный характер, но и расширили требования морозовских рабочих до общеклассовых требований: в Никольском рабочие впервые выставили требования законодательного регулирования взаимоотношений фабричного труда и капитала. Рабочие требовали, чтобы условия найма могли изменяться лишь «по изданному государственному» закону и чтобы штрафы налагались также только по закону. Забастовка была подавлена военной силой, рабочие были преданы суду, но все это сделало выступление морозовских рабочих еще более популярным в рабочей среде.

Морозовская стачка имела громадное значение, составив поворотный исторический момент в нашем рабочем движении. Она показала, что выступает общественная сила, которая до того накоплялась где-то в невидимой глубине. Она говорила о том, что рабочая масса не мирится больше с жестокой эксплуатацией, но активно выступает на защиту своих интересов. Она бросила свет на предшествовавшие ей стачки, в которых раньше видели одно «буйство», но которые были стихийным проявлением пробуждения рабочего класса, его первыми попытками сбросить с себя тяжелое ярмо фабричной кабалы. Она двинула дальше забастовочную волну, которая с того времени не затихала, но поднималась все выше и выше.

В мрачные годы реакции 80-х годов, когда все кругом притихло и молчало, рабочий класс как раз приходил в движение. Рабочие волнения—единственная светлая точка на этом темном фоне. Не все замечали эти огоньки, светившие во тьме, но кто их видел и понимал их значение, в том могла крепнуть вера, что недолговечна реакция и что близко возрождение революционной борьбы в новых формах и с новой силой.

2. Эволюция взглядов Плеханова.—Группа „Освобождение Труда“.

Реакция 80-х годов в сильнейшей степени отразилась на настроениях интеллигенции. По характеристике историка русской литературы, это были «годы отказа от наследства отцов, терпели-

вого искания новых слов и путей, годы тоски и приниженности и в то же время годы наглого глумления над святыней прежних идеалов». В широких кругах интеллигенции, под впечатлением неудач и разгрома Народной Воли, началось разочарование в революционных методах борьбы и столь же решительно стало преобладать «мирное» настроение, приспособление к сложившимся условиям. Отброшенная от старых идеалов, интеллигенция теряла последние следы социалистической окраски и приобретала все черты ничем не прикрытых мелко-буржуазных настроений. Одни, отказываясь от борьбы, проповедывали «малые дела», служение народу культурной работой; место былого хождения в народ заняло стремление «спроститься», селиться в деревне колониями и жить по образу и подобию крестьянскому, добывая хлеб свой в поте лица своего. Другие увлекались толстовством и его непротивлением злу, считая главной задачей спасение личности праведной жизнью. Третьи спешили развенчать недавних кумиров интеллигенции—Чернышевского, Добролюбова, Писарева, глумились над святыней прежних идеалов, выдвигали новых богов, никем не признанных ни тогда, ни позже. Под этими разного рода формами происходил, в сущности, процесс перехода части народнической интеллигенции в лагерь буржуазии, которой она ревностно служила и идеалы которой она признала своими идеалами.

Намечался перелом в настроении и передовой части учащейся молодежи, принимавшей участие в революционном движении. «Многое делалось как-то вяло, будто по обязанности,—рассказывает один из современников,—люди точно старались, чтобы только не совсем погасла искра, которая могла разгореться лишь со временем, в иную более благоприятную эпоху. Было очень мало самоотверженных деятелей, вполне посвятивших себя делу. Я почти не встречал профессиональных революционеров, не встречал нелегальных. Громадное большинство деятелей были студенты, занимавшиеся, прежде всего, своей наукой, уроками и т. п. и свободное время отдававшие политической деятельности. Почти никто не думал, например, бросить университет для того, чтобы идти в народ и вообще вполне отдаться революции. Все имели в виду по возможности кончить курс и потом жить вполне легально. Те, кому это удавалось, в большинстве случаев уезжали в провинцию и часто совершенно сходили со сцены». Студенчество в массе своей, по словам того же автора, было «слишком подавлено глухой реакцией»: «Студенты того времени,—пишет он,—больше отличались на счет пьянства: празднование годовщины университета стало превращаться в какую-то дикую оргию, после которой участники чуть-ли не на четвереньках расползались по домам, учиняя на улицах разные скандалы. Те, кто не принимали участия в безобразном пьянстве, выглядели какими-то дай-мальчиками или будущими столоначальниками».

Если в широких кругах интеллигенции происходила своего рода дифференциация, перерождение ее в буржуазных либералов или радикалов, то революционные ряды ее переживали не менее глубокий кризис. Здесь мысль страстно искала выхода из тупика, в котором оказалось революционное движение, пыталась так или иначе подойти к пересмотру старых позиций, наметить новые пути и методы работы. Особенно плодотворной и исторически значительной оказалась в этом отношении работа, произведенная небольшой группой чернопердельцев, во главе которой стоял Плеханов, основоположник русской социал-демократии и великий учитель многих последующих поколений социал-демократов.

Мы знаем уже, что в январе 1880 года, спасаясь от неминуемого ареста, уехали за границу Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович, к которым вскоре присоединился Аксельрод. Здесь этой группой, главным образом, Плехановым, начата была работа по пересмотру старых народнических воззрений. Какими же путями шел и дошел Плеханов до социал-демократии?

На этот вопрос напрашиваются, прежде всего, два ответа. Плеханов, еще будучи народником, мог усвоить некоторые стороны Марксова учения, которые ему оставалось лишь развить. С другой стороны, возможно, что, оставаясь в России народником, Плеханов за границей познакомился с сочинениями Маркса и Энгельса, наблюдал европейское рабочее движение и таким образом пришел к социал-демократии. Оба эти предположения не дают однако правдивого ответа. Мы уже говорили о том, что «марксизм» народника и чернопердельца Плеханова шел не от Маркса, а от Бакунина; некоторые стороны учения Маркса Плеханов принимал лишь постольку, поскольку они допускались общим его народническим мировоззрением и потому они не привносили в воззрения Плеханова ничего *нового*, ничего такого, что требовало бы от него радикального пересмотра народнических позиций и замены их новыми: «марксизм» Плеханова совершенно спокойно уживался со всеми народническими предрассудками. Поэтому Плеханов сам говорил о себе, что в конце семидесятых годов он был «народником до конца ногтей», а на свой «марксизм» того времени смотрел, как на законное наследие Бакунина. С другой стороны, еще до окончательной эмиграции Плеханову приходилось бывать за границей и знакомиться с сочинениями Маркса, но социал-демократом он тогда не стал. Напротив, по свидетельству Дейча, после первого своего пребывания за границей Плеханов возвратился еще более ярким народником: «Все мы,—пишет Дейч,—возвращались из этих поездок, повидимому, еще более решительными противниками взглядов и тактики немецких социал-демократов, еще более твердокаменными бакунистами, чем какими мы были раньше». Это и понятно, так как воззрения русских революционеров складывались больше под влиянием русских, чем европейских общественных отношений, и,

сколько бы они не путешествовали по «заграницам», это обстоятельство само по себе не могло поколебать их воззрений.

Сам Плеханов, всякий раз, когда ему приходилось говорить об эволюции своих воззрений, подчеркивал, что «это не было ни развитие, ни сочетание одних только «идей». В частности он возражал против того, что мировоззрение социал-демократов было будто бы шито из клочков других мировоззрений, раньше существовавших: русская социал-демократия,—писал он,—никогда не была гоголевской невестой, мысленно приставлявшей усы одного из своих многочисленных женихов к носу другого. Прислушаемся поэтому, к тому, что говорил о себе сам Плеханов—это послужит для нас лучшим путеводителем.

Говоря о «наследстве», которое было получено русскими социал-демократами от революционеров 70-х годов, Плеханов писал: «Это наследство было очень важно—и даже совершенно незаменимо—в смысле *практического опыта* (курсив здесь и дальше Плеханова), частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности*, частью завещанного нами социалистами первой половины того десятилетия. Этот опыт лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий... *За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России.* И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 году и намечанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики. Но в *теоретическом* отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство» завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «*русский социализм*» бакунистского или лавровского оттенка от *научного социализма* Западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить, для того чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка». В другом месте Плеханов так резюмирует эти свои мысли: «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта*, освещенного ярким светом учения Маркса».

Таким образом, в основу критики старых теорий был положен революционный опыт; не усвоение той или иной теории, а усвоение уроков этого опыта, или иначе — уроков жизни, в которых сказывался рост капиталистических отношений в стране,—толкали мысль на пересмотр устаревших позиций. Мы видели, что революционный опыт 70-х годов давал много поучительного. Все усложнявшиеся общественные отношения разбивали одну народническую иллюзию за другой. От пропаганды пришлось перейти к агитации, от призыва к немедленному бунту — к длительной его подготовке путем агитации на почве экономических

нужд и требований крестьянства, от отрицания полноты — к ее признанию. Сила поистине гениальной мысли Плеханова сказалась в том, что он—не только один из немногих, но и единственный—уже на первых порах своей революционной деятельности подметил то новое, что дает опыт, и в своеобразной обстановке отсталой русской действительности отмечал зародыши новых отношений. В эти годы, когда «герои», а не «толпа», выдвигались вперед и теорией и практикой, Плеханов горячо и до конца отстаивает положение, что освобождение народа должно быть делом самого народа. Он первый, и опять-таки единственный, принял уроки опыта, как они сказались в стачках 1878—79 г.г. и в образовании «Северно-Русского Рабочего Союза», выдвигая, в качестве очередной задачи, агитацию в рабочей массе, вовлечение в борьбу не отдельных рабочих, а всей массы. Когда тот же революционный опыт ставит перед революционной мыслью необходимость признания политической борьбы, Плеханов—и он один, как среди народолюбцев, так и чернопеределцев,—не отрывает, как мы сейчас увидим, этого признания от массовой борьбы, народно-революционной самодеятельности. Сделав выводы из заново складывающихся отношений, Плеханов оставался им верным до конца и в те моменты, когда тот же опыт других толкал совсем в иную сторону; провидя тенденцию развития, он допускал также дальнейшее развитие усвоенных им выводов, но не отказ от них. Когда на воронежском съезде примирение с народолюбцами могло быть куплено ценою отказа от работы в народной массе, Плеханов предпочел порвать со старыми товарищами. Возвратившись в Петербург, уже в атмосфере разлагавшегося старого землевольчества, он настаивает на продолжении агитации в крестьянстве и, в особенности, среди городских рабочих.

Конечно, все эти уроки революционного опыта Плеханов принимает с точки зрения утопического социализма. Но и эта точка зрения оставалась только до тех пор, пока ее можно было так или иначе примирить с опытом, пока была надежда на движение вперед. Когда от прежней революционной деятельности в народе не осталось почти ничего, а все силы наиболее активно-революционного отряда всецело были поглощены террором, настало время радикального пересмотра не только всего прошлого опыта, но и самой точки зрения, с которой до того времени этот опыт подвергался оценке. Пребывание за границей, возможность более близкого знакомства с научным социализмом и наблюдения европейского рабочего движения, дали Плеханову только возможность правильно учесть опыт прошлого, ибо лишь при свете научного социализма теория всю свою обаятельную силу народнические предрассудки и давал свои полезные уроки прошлый опыт. Сила гениальной мысли Плеханова сказалась и здесь в том, что он пошел на путь пересмотра, когда другие еще крепко держались за прошлое, и не только

ярким светочем учения Маркса осветил весь прошлый опыт русского революционного движения, но и бросил столь же яркий сног света далеко, на целые десятилетия вперед.

Однако, все это совершилось не сразу, и в эту «критическую» полосу своей деятельности Плеханов, хотя и быстро, но все же только постепенно приходил к новому мировоззрению. Так, за границей возобновились сношения Плеханова и его товарищей с народолюбцами. Это сближение, прежде всего, вызывалось героической борьбой народолюбцев и естественным стремлением поддержать их, облегчить им эту борьбу. Поэтому Стефанович уже скоро возвращается в Россию и становится в ряды борющихся, а Дейч склоняется к тому, чтобы примкнуть к народолюбцам. Но Плеханова этого только рода соображения не могли удовлетворить. С одной стороны, он уже определенно переходил на точку зрения марксизма, а с другой—он и раньше отвергал террор, предусматривал, что террор приведет к смене лиц, но не к смене системы, а потому, заглядывая вперед, видел необходимость воссоздания революционной партии для борьбы на новых началах. Поэтому Плеханов сближается с народолюбцами, соглашается вместе с Лавровым и Тихомировым редактировать общий журнал, не покидая мысли о слиянии, в надежде, однако, как он сам признавался, что народолюбцы примут точку зрения марксизма. Эта надежда, разумеется, не имела под собой никаких реальных оснований, и то обстоятельство, что Плеханов, становясь уже марксистом, питал ее, показывает, что он еще не делал всех последовательных выводов из усвоенной им новой точки зрения.

В этом отношении любопытна первая попытка Плеханова восстановить единство «социал-революционной» партии. Это—письмо его в редакцию «Черного Передела», писанное в январе 1880 года. «Социализм есть теоретическое выражение, с точки зрения интересов трудящихся масс, антагонизма и борьбы классов в существующем обществе,—писал Плеханов.—Вытекающая из него практическая задача революционной деятельности заключается в организации рабочего сословия, в указании ему путей и способов его освобождения. Исполнение этой задачи невозможно помимо деятельности не только для народа, но и в среде его». Установив это положение, Плеханов утверждает, что низвержение самодержавия еще не устранит важнейших причин порабощения народа. Чтобы достигнуть своего освобождения, «народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всех исторических формаций, всех фазисов развития страны». Плеханов доказывает далее, что вслед за свержением самодержавия утвердится господство буржуазии, борьба с которой для народа неизбежна. Но чем разрозненнее будут его силы, чем менее он будет подготовлен к пониманию социальных отношений в буржуазном обществе, тем труднее будет борьба его

против новых своих господ, тем более отсрочена будет его победа. Стало быть, уже теперь нужно возлагать надежду не на «общество», которое состоит в огромном большинстве из эксплуататоров народа, а на народные массы. Приблизить час падения буржуазии «могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации в народе». «Поэтому,—пишет далее Плеханов,—задача «Черного Передела» может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявленных этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, в роде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и т. д., и т. д.». Устанавливая эту «неразрывную связь» между экономическими и политическими требованиями, одинаково исходящими из «народной среды», Плеханов выражает надежду, что при «общем признании такой постановки вопроса существующее ныне разделение между русскими социалистами лишается своего основания, и «Ч. П.», как орган одной из фракций, уступит место органу слившейся в одно целое социалистической партии».

Письмо это замечательно во многих отношениях. Плеханов открыто принимает требование политической свободы, но понимает его, во-первых, как требование народа, и, во-вторых, как борьбу, которую ведет сам народ. Выдвигая это требование, он впервые пытается примирить «политику» с «экономикой», политическую борьбу связывает с дальнейшей борьбой за освобождение народа, борьбу за социализм—с борьбой за политическую свободу. Вместе с тем он принимает точку зрения классовой борьбы и на социализм смотрит как на выражение борьбы классов в современном обществе. Все это—новая для Плеханова постановка вопроса. Но она еще далека от сколько-нибудь последовательной социал-демократической точки зрения. Настаивая на том, что народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам, Плеханов писал: «Иначе, на место представителей абсолютной монархии, явятся представители конституционного режима, выразители экономических интересов буржуазии». Выходило, таким образом, что если народ представит собою организованную силу, то за свержением самодержавия не последует господства буржуазии. Хотя в дальнейшем Плеханов указывает, что сочетание выдвигаемых им политических и экономических требований послужит гарантией того, что «предстоящий политический переворот совершится в интересах не одних только высших классов», но характер предстоящего переворота и следующего за ним

пути социального развития России остается в достаточной мере темным. Поэтому же Плеханов все время говорит о «народе», не выдвигая рабочего класса, как ту революционную силу, которая вырастает на почве борьбы классов.

Выступая с такого рода программой, Плеханов питал надежду, что на ней могут сойтись все русские социалисты, т.-е. и народо-вольцы. Но в своих предположениях Плеханов ошибся. Даже редакция «Черного Передела» в том же номере, в каком было напечатано письмо Плеханова, заявляла о своей полной солидарности с программой «Земли и Воли» и предостерегала партию от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства. Что же касается народо-вольцев, то, отдавшись целиком политическому тер-рору, они вовсе не склонны были подвергнуть сколько-нибудь осно-вательному пересмотру свои старые позиции.

Продолжительные переговоры Плеханова с народо-вольцами об общих литературных предприятиях послужили для него новым опытом, из которого он не замедлил сделать соответствующие вы-воды. В письме к Лаврову (1882 г.) Плеханов пишет, что разногласия его с народо-вольцами «вовсе уже не так незначительны, как это может показаться». Если до сих пор разногласия не подчерки-вались, то, по объяснению Плеханова, это делалось потому, что «мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народо-вольцев» на надлежащую дорогу». Но Плеханов уже начинает сомневаться в том, чтобы такая надежда могла оправдаться. Он указывает, в частности, на разногласия свои с Кравчинским: последний—«что-то в роде прудониста, я—не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей сте-пени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли». Разногласия намечались, таким обра-зом, отчетливо: Плеханов—марксист и требует, чтобы марксистскую точку зрения приняли и те, с кем он готов вступить в соглашение, последние же—остаются на мелко-буржуазной позиции. К этому времени относится первая социал-демократическая работа Плеха-нова «Социализм и политическая борьба», написанная им сперва для «Вестника Народной Воли».

В этой первой своей работе, как и в несколько раньше напи-санном предисловии к переводу «Манифеста Коммунистической Партии», Плеханов определенно становится на социал-демократи-ческую точку зрения и—что многим важнее—применяет эту точку зрения к анализу русской действительности и к переоценке народ-нических взглядов на пути социального развития России. В пре-дисловии к «Манифесту» он указывает на то, что «рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономи-ческого строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития», понимание же это требует

усвоения учения Маркса и Энгельса. С другой стороны, «Мани-фест», по мнению Плеханова, может предостеречь русских социа-листов как от отрицательного отношения к политике, так и от за-бвения будущих интересов партии. Статья «Социализм и политиче-ская борьба» и была посвящена, главным образом, приложению точки зрения марксизма к уяснению отношения «политики» и «экономики», политической борьбы—к социализму. «Угнетенный класс,—писал Плеханов,—лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политической* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее пол-ноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индиви-дуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной органи-зации обязаны они своим бедственным положением. Они стара-ются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не суще-ствует *для себя*; он будет современем передовым классом общества, но он еще не *становится* им».

Однако, мало-по-малу «угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплуататоров представляется им просто совокуп-ностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями поли-тической *организации*». На этой ступени развития предполагается, что государственная власть стоит выше борьбы классов, и угнетен-ный класс, относясь к ней с доверием, приходит в большое удивле-ние, когда просьбы его о помощи остаются без ответа. Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс все-сторонне выясняет свое положение. «Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, кре-пость, которую можно и должно овладеть, которую можно и дол-жно перестроить в интересах своей собственной защиты, но не-возможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Расчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что *политическая* самопомощь есть, как говорит Ланге, важнейший из всех видов *со-циальной* самопомощи. Они стремятся тогда к политическому гос-подству, чтобы помочь себе путем изменения существующих соци-альных отношений и приспособления общественного строя к усло-виям своего собственного развития и благосостояния». Разумеется, угнетенный класс не сразу приходит к господству; он долго доби-вается сперва уступок, реформ. «Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетен-ный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необ-

ходимые для решительной борьбы. Но раз приобрета эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*.

Так, вслед за Марксом, Плеханов усвоил разрешение вопроса об отношении «политики» к «экономике», над которым билась русская революционная мысль со времен Герцена. Это был настоящий переворот в народническом мировоззрении, которое не принимало точки зрения классовой борьбы, и потому не видело, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Разрушение одного из основных предрассудков народничества неизбежно вело за собою разрушение и других. Плеханов подвергает суровой критике все программные и тактические положения народничества и народовольчества. «Русские революционеры,—приходит он к заключению,—должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с *«буржуазными» теориями* так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от *«бунтарской» практики*, вводя новый, *политический* элемент в свою программу: Сделать это им будет не трудно, если они постараются усвоить правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса, и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий». С этой точки зрения Плеханов отвергает и то понимание захвата власти, в какой его принимали народовольцы. По его мнению, захват власти является последним и совершенно необходимым выводом из политической борьбы, которую ведет на известной ступени своего развития, пролетариат: «Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в совершенной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти». Но—утверждает Плеханов,—«диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев». «Это, в особенности, можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцибельных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства». «Одна мысль о том,—продолжает Плеханов—что социальный вопрос может быть на практике разрешен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация... До тех пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заклю-

чается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его сил и сознания, а не в проделывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен».

В последних словах заключается и ответ на то, что должны делать социалисты в России. «Единственной не фантастической целью русских социалистов,—писал Плеханов,—может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России—с другой». В своей политической борьбе социалист должен «надеяться прежде всего на рабочий класс». Социалистическая интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой».

Само собой разумеется, что, при такой постановке вопроса, Плеханов считал утопической надеждою на то, что политическая революция совпадет в России с социалистической. «Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того и другого*. Но от нас зависит *сблизить эти два момента*». «Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны,—поясняет Плеханов последнюю мысль,—дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия *«пришла слишком поздно»*, то русская запоздала еще больше, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не *«слишком поздно»* начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным».

Столь же решительно расходится Плеханов с народниками во взглядах на работу среди крестьянства. Он не отрицает возможности отдельных случаев пропаганды и агитации в крестьянстве, но настаивает на том, что главная задача состоит в работе среди фабричного пролетариата, воздействие же на крестьянство будет плодотворным лишь тогда, когда рабочий класс организуется в самостоятельную партию. «Промышленные рабочие,—пишет он,—обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более

широким кругозором, примкнул к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства».

Как видит читатель, статья Плеханова переворачивала вверх дном все программно-тактические положения народничества, и вполне естественно, что Тихомиров соглашался дать ей место в «Вестнике Народной Воли» лишь с редакционным примечанием, которое должно было позволить редакции отмежеваться от Плеханова. Народовольцы вообще не были так наивны, как предполагал Плеханов, и не только не были склонны отказаться от своей точки зрения, но и допустить сколько-нибудь сильного влияния Плеханова и его товарищей на народвольческую организацию. Поэтому они соглашались принять в свою среду лишь отдельных лиц, но не всю группу бывших чернопередельцев, а это сделало отношения еще более натянутыми. В конце концов переговоры о слиянии были прерваны, и каждая из сторон пошла своей дорогой. 25 сентября 1883 г. бывшие члены группы «Черного Передела» объявили, что, «изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социальнo-политической программой», они образуют «новую группу «Освобождение Труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями». В эту первую русскую социал-демократическую организацию вошли: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов.

Группа «Освобождение Труда» развила широкую деятельность по пропаганде социал-демократических взглядов. Вслед за брошюрой «Социализм и политическая борьба» она издала большую работу Плеханова «Наши разногласия», посвященную, главным образом, анализу социально-экономической эволюции России. На основании богатого для того времени материала, Плеханов доказал, что община разлагается, кустарные промыслы разрушаются, что происходит процесс пролетаризации крестьянства, с одной стороны, и развития капиталистических отношений с ростом рабочего класса, с другой, что, словом, Россия пошла не какими-то «самобытными» путями развития, а теми же путями, какими шли другие цивилизованные народы. Не следует думать, что все слова, сказанные Плехановым, были новыми: и до него в нашей литературе—либеральной и народнической—некоторыми констатировался рост капитализма и разложение общины. Заслуга Плеханова состояла не только в том, что он показал картину развития капитализма в целом и обосновал ее на богатом материале, но, главным образом, в том, что он установил тенденцию неизбежного дальнейшего развития капиталистических отношений и связанные с ними изменения всех социальных отношений, на основе которых начинает обостряться классовая борьба и в первую очередь революционизируется рабочий класс.

Задача, которая стояла теперь перед группой «Освобождение Труда», заключалась не только в том, чтобы установить общие положения. Поставив целью борьбу с самодержавием и организацию русского рабочего класса в особую партию, нужно было наметить программные и тактические линии, или иначе—общие положения марксизма применить к данной российской обстановке. В этом отношении взгляды Плеханова, а за ним и всей группы, не сразу определились с должной отчетливостью и последовательностью. Мы лучше всего уясним себе это, если сравним две первых программы группы «Освобождение Труда», из которых одна была составлена в 1883 г., а другая в 1885 г.

Прежде всего следует отметить, что первая программа не совсем отчетливо выдвигает ту роль, какую призван сыграть рабочий класс в деле борьбы за политическую свободу. Народнические пережитки сохранялись в ней в том отношении, что она склонна была в центре движения ставить «социалистическую интеллигенцию» и на нее возлагать особенные надежды. Указав на то, что социальная отсталость России приводит в неразвитому состоянию буржуазии, которая неспособна взять на себя инициативу борьбы с самодержавием, программа говорила: «Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, со своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России». Таким образом, главной активной силой революционного движения программа считала социалистическую интеллигенцию; возможность участия в будущей политической жизни России должен завоевать себе не сам рабочий класс, но эту возможность должна «доставить» ему интеллигенция. Правда, в дальнейшем программа возлагает на социалистическую интеллигенцию также «обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе, как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями», но все же эти два положения остаются между собою несвязанными и, в конце концов, трудно сказать, как представляла себе программа роль в борьбе с самодержавием социалистической интеллигенции и рабочего класса. Эта неясность выступает особенно отчетливо при сопоставлении первой программы со второй. Программа 1885 г. о «социалистической интеллигенции» не говорит, но вполне определенно выдвигает в качестве революционной силы рабочий класс. «В лице этого класса,—говорит программа,—народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязан-

ностью образование революционной рабочей партии». Но борьба с самодержавием должна составить уже теперь задачу рабочего класса. Борьба эта «обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии, — заявляет программа. — Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей. Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению». Таким образом, вторая программа, в отличие от первой, в центре революционной борьбы с самодержавием ставит не «социалистическую интеллигенцию», а рабочий класс, который, через рабочие кружки, сплачивается в рабочие революционные организации.

В качестве другого народнического пережитка, первая программа сохраняла признание террора. Группа «Освобождение Труда» «признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией Народной Воли лишь по вопросу о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса», заявляла программа 1883 г. Иначе говоря, группа «Освобождение Труда» полностью принимала народолюбивую точку зрения на террор. Программа 1885 г. предусматривала, что рабочие революционные организации в своей борьбе с правительством «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется пужным в интересах борьбы». Впоследствии Плеханов писал, что, признавая террор, он имел в виду социалистическую интеллигенцию, которая только к этому способу борьбы была склонна. Плеханов, по его словам, обращался «к тому большинству, которое свысока смотрело на «занятия с рабочими» и видело в «терроре» самый верный прием борьбы с царизмом. «Я прекрасно знал, — писал Плеханов, — что это большинство, взятое в его целом, никогда не перейдет на точку зрения пролетариата, и что, поэтому, если бы оно отказалось от увлечения террором — на что рассчитывать тогда было совершенно невозможно. — то оно сосредоточило бы свою деятельность на совершенно уже бесплодных попытках «захватить власть». При таком их настроении нельзя было не считать «террор наиболее производительной затратой сил этой части нашей тогдашней «социалистической» партии». Из этих объяснений Плеханова, однако, видно, что, составляя программу для *социал-демократической* партии, он считался с предрассудками *народолюбивой интеллигенции* и тем самым отдавал дань этим предрассудкам.

Сохранился в первой программе (1883 г.) и примитивный взгляд на революционную роль крестьянства. Программа заявляла, что группа «Освобождение Труда» не игнорирует крестьянства, но полагает, что при современных условиях работа интеллигенции должна быть направлена, прежде всего, на более развитой слой, каким являются рабочие, с тем, что когда интеллигенция заручится поддержкой рабочих, она сможет распространить свое влияние и на крестьянство. При этом программа допускала, что такое распределение сил социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение. Программа 1885 г. вместо такого упрощенного понимания выдвигает анализ социально-экономической эволюции крестьянства в условиях развивающихся капиталистических отношений. «Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения, — говорится в программе, — быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии, умственной отсталости крестьянства». Такой анализ не предрасполагал, конечно, к тому, чтобы в каком бы то ни было смысле ставить работу среди крестьянства наряду с работой среди пролетариата.

Не останавливаясь на других пережитках программы — к ним относится, между прочим, требование государственной помощи производительным ассоциациям рабочих и крестьян, требование, позаимствованное у Лассалья, — отметим, что вторая программа (1885 г.) вообще выгодно отличается от первой, как общей своей частью, дающей анализ движущих сил революции, так и некоторыми отдельными своими положениями. «Теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции, — говорится в программе. — При современном развитии международного обмена, упущение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ». Этим провозглашается международный характер пролетарской революции. Вместе с тем, программа определенно принимала точку зрения диктатуры пролетариата: «Так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, — так как интересы труда, в общем, диаметрально противоположны интересам эксплуататоров, и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений — то неизбеж-

ным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе».

Мы видим, таким образом, что взгляды Плеханова и группы «Освобождение Труда» не сразу сложились в стройное социал-демократическое учение и положения последнего воспринимались с некоторой постепенностью. Мы упоминали уже, что уклонения эти Плеханов считал уступками, на которые он шел в надежде, что народолюбцы воспримут точку зрения марксизма. Не подлежит сомнению, что уступки, и при том весьма существенные, делались. Но были ли это только уступки? Уже после прекращения переговоров с народолюбцами, в составленном Плехановым заявлении об издании «Библиотеки современного социализма», которое было вместе с тем заявлением об образовании группы «Освобождение Труда», все разногласия с Народной Волей сводились к вопросу о так называемом «захвате власти», а также к некоторым практическим приемам тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. «Обе группы,—говорилось в заявлении,—имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать, в огромном большинстве случаев, рядом, пополняя и поддерживая друг друга». Какая же была необходимость уменьшить значение разногласий, когда уже последовал разрыв и, казалось, никаких надежд не оставалось на возможность соглашения? Очевидно, здесь были не только уступки. Об этом писал и сам Плеханов в предисловии к «Нашим разногласиям»: «Дело в том, что ни я, ни мои товарищи, не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они могут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народолюбцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции». На первые свои работы Плеханов сам смотрел, как на «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений», и потому допускал, что вырабатываемая им программа включает в себе много недостатков. Так оно и было в действительности. Плеханов не только указывал другим, но и сам усвоил сперва общий критерий, каким служило учение Маркса. Применение же этого критерия к анализу сложных общественных отношений, в особенности, русских, дава-

лось не сразу. Плеханову приходилось самому преодолевать в себе старые народнические предубеждения, и, поскольку последние еще сохранялись, постольку он считал возможным идти на уступки и сохранял надежду на соглашение с народолюбцами.

Надежда эта скоро рухнула, и, освободившись от иллюзий, Плеханов в первые же годы нового периода своей деятельности, дал блестящий анализ многих сторон, действительно, чрезвычайно сложных и запутанных общественных отношений в России. К началу 90-х годов не только вконец разрушено народническое учение, но и созданы все элементы социал-демократической программы и тактики, созданы, главным образом, Плехановым, при содействии, в особенности, Аксельрода. Мы не станем здесь излагать всего того богатства, которое внес уже в эти годы Плеханов в сокровищницу русской социал-демократической мысли — сочинения Плеханова каждый должен прочесть в подлиннике, не довольствуясь знакомством с ними со вторых рук. Мы остановимся только на некоторых его мыслях, высказанных им в то время, поскольку это необходимо для понимания последующих судеб нашего революционного движения, с которым имя Плеханова связано так же неразрывно, как с разработкой основных проблем марксизма.

Русскому рабочему классу и рабочему движению в России Плеханов придавал чрезвычайное историческое значение. «В нашем отечестве образование этого класса имеет еще большее значение,—писал Плеханов в 1889 г.—С его появлением изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, *азиатский* экономический быт, уступая место новому, *европейскому*. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России, как цивилизованной страны. Начатое когда-то сверху, железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов*, она будет закончена *снизу*, путем *освободительного* движения самого *революционного* из всех классов, какие только знала история... В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встает во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия». К этой исключительной роли рабочего класса, призванного дать торжество революционному движению и европеизировать Россию, Плеханов возвращался много раз. «Политическая свобода будет завсеевана рабочим классом, или ее совсем не будет»,—писал он в 1888 году. И ту же мысль он высказал в известной речи на международном рабочем конгрессе в Париже летом 1889 года: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого исхода у нас нет и быть не может!»

В такой перспективе рабочего движения роль революционной

интеллигенции может определиться лишь в зависимости от того, как отнесется она к борьбе рабочего класса. «В общем ходе русской истории этот слой,—писал Плеханов об интеллигенции,—был слоем «лишних людей». Он весь представлял собою какую-то «умную ненужность», как выразился Герцен о некоторых из принадлежавших к нему разновидностей. С разрушением старой экономической основы русских общественных отношений, с появлением у нас рабочего класса, дело изменяется. Идя в рабочую среду, неся науку к работникам, пробуждая классовое сознание пролетария, наши революционеры из «интеллигенции» могут стать могучим фактором общественного развития—они, которые нередко в полном отчаянии опускали руки, напрасно меняя программу за программой, как безнадежный больной напрасно бросается от одного медицинского снабдения к другому. Именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту «народную» поддержку, которой у них не было до последнего времени. Сила рабочего класса спасет русскую «революцию» от *обесцениения*. «Движение, ограниченное тесными пределами интеллигенции,—писал Плеханов в 1890 г.—ни в каком случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, т.-е. *движения рабочих*. Забывши эту простую истину, наша революционная интеллигенция, какими бы кличками она ни тешила свое самолюбие, на деле тотчас же перестала бы быть социалистической и превратилась бы в левое крыло либеральной буржуазии».

Исключительная роль, которую отводил Плеханов рабочему классу в деле борьбы за политическое раскрепощение России, позволяла ему не преувеличивать значения нашей буржуазии в ходе революционной борьбы. Мы уже приводили мнение, высказанное в брошюре «Социализм и политическая борьба», что «социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма». Об этом же Плеханов писал и в «Наших разногласиях»: «Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю «в западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за что ручается нам могучее влияние международных отношений». Отсюда Плеханов между прочим, делал тот вывод, что и в предварительной борьбе за политическую свободу рабочий класс должен рассчитывать, главным образом, на свои силы. «Мы не можем рассчитывать на прочную поддержку буржуазии,—писал он в 1890 г.—Если немецкая буржуазия, как выражается Энгельс, поздно пришла, то русская буржуазия еще более опоздала. Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Но на дви-

жение либеральной буржуазии Плеханов возлагал в те годы слабые надежды. «Уже теперь,—писал он в 1891 г.,—при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое». Каковы могут быть шансы либерального направления? «Опираясь на народ и преимущественно на рабочее население крупных центров,—отвечал Плеханов—либеральные члены общества приобрели бы огромную силу, без поддержки же рабочего населения они все равно, что несколько нулей без единиц впереди: ничтожество, полнейшее ничто. И наши либералы даже и не задумываются о необходимости выйти из своего ничтожества, у них нет даже и помышления о распространении своих политических взглядов в народе. Можно ли рассчитывать на таких людей? Помилуйте, да ведь они сами никогда на себя не рассчитывали!» Но, допуская, что либеральная буржуазия может стать силой, если будет опираться на «рабочее население», Плеханов, конечно, ни на минуту не допускал мысли, что борьба рабочих будет происходить под руководством либералов. Напротив, мы видели, что руководящую роль в борьбе с самодержавием он отводит рабочему классу, а в соответствии с этим полагает, что, если либералы хотят бороться за политическую свободу, то они должны «пристать к социалистам», т.-е. поддерживать борьбу рабочего класса. Социалисты, с своей стороны, подобно немецким коммунистам 40-х годов, должны поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. «Но—добавляет Плеханов.—ни одно из них, какие бы размеры оно ни приняло, не заставит нас спрятать свое собственное знамя. И лишь в той мере будем мы реальными и сильными союзниками других, более или менее революционных партий, в какой сумеем распространить среди русского пролетариата наши социал-демократические идеи». Отсюда настоятельная необходимость при поддержке всякого революционного или оппозиционного движения сохранить полную самостоятельность рабочей партии. «Самая первая, самая настоящая, в то же время самая очевидная и самая бесспорная из всех ближайших задач русских социалистов—писал Плеханов в 1889 г.,—заключается в поддержании своего существования, как особой социалистической партии, рядом с другими либеральными партиями, образующимися или имеющими образоваться для борьбы с абсолютизмом».

Намечая складывающиеся отношения общественных классов в их борьбе со старым порядком, Плеханов доказывал, что наличные социал-демократические силы должны перейти от усвоения революционной Марксовой идеи к революционной практике и, вместе с тем, устанавливая основные вехи предстоящей работы. «Несколько лет тому назад,—писал Плеханов в 1890 г.,—ближайшей и важнейшей задачей русских социалистов являлись теоретическая выработка и распространение их взглядов в среде революционеров-

идеологов. Теперь эта предварительная работа может считаться законченной. Теперь русские социал-демократы уже могут и должны взяться за практическую деятельность в среде рабочих. Почва для нашей деятельности достаточно подготовлена историей, нам нужно лишь энергически взяться за ее возделывание». Как же и в каком направлении должна вестись работа? Основной путь, который ведет социалистов к их великой цели—содействие росту классового сознания пролетариата. «Кто содействует росту этого сознания, тот социалист,—пишет Плеханов,—кто мешает ему, тот враг социализма». «Содействовать росту классового сознания пролетариата—значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя». Пропагандируя с особенной настойчивостью эти мысли, Плеханов имел в виду не только указать единственно правильный путь к завоеванию политической свободы, но и предохранить русскую социал-демократию от уклонения в сторону от классовой чистоты и последовательности пролетарской политики. «Нам, русским социалистам,—писал он,—нужно найти такой способ действия, держась которого мы, во-первых, ни на минуту не переставали бы способствовать росту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, а во-вторых, скорее победили бы царизм». И Плеханов с уверенностью утверждает, что «никакой другой способ не приведет так скоро к победе над абсолютизмом, как именно тот, который соединяет в себе, связывает в одно неразрывное целое борьбу за политическую свободу с содействием росту классового сознания пролетариата». Но так широко понимаемая задача не может быть разрешена социалистической пропагандой в кружках: необходимо содействовать росту классового сознания не отдельных рабочих, а всего рабочего класса. «Пока «спропагандированные» нами *личности* не имеют прямого революционного влияния на *массу*, они являются ее руководителями только в *возможности*,—пишет Плеханов.—Чтобы стать *действительными* ее руководителями, они должны влиять на нее в революционном смысле». А это значит, что в права свои должна вступить не только пропаганда, но и агитация в массе. «Чем натянutee становится положение, чем более шатается старое общественное здание, чем быстрее приближается революция, тем важнее становится агитация. Ей принадлежит главная роль в драме, называемой общественным переворотом». Отсюда следует, что «если русские социалисты хотят сыграть деятельную роль в предстоящей русской революции, они должны уметь быть агитаторами».

К агитации надо готовиться, и самое главное в этой политике—создание революционной организации, «сплочение уже готовых революционных сил». Если кружковой пропагандой еще могут заниматься люди, ничем между собой не связанные, то в эпохи общественного возбуждения «только организованные общественные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий, отдель-

ная личность становится тогда бессильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка *революционным организациям*» «Организация, — пишет Плеханов, — это первый и неизбежный шаг. Как бы ни были незначительны готовые революционные силы современной России, они сразу удесятерятся, благодаря организации. Сосчитав свои силы и распределив их как следует, революционеры принимаются за дело. Там, где масса еще не созрела для понимания их проповеди, они дают ей, так сказать, предметные уроки. Они являются всюду, где она протестует, они протестуют вместе с нею, они уясняют ей смысл ее собственного движения и тем увеличивают ее революционную подготовку». Куда же и как вести массу? Плеханов набрасывает отчетливую основную линию: «Не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока она не будет занята вся до последней пяди,—что может быть определеннее такой программы?... Коротко, решительно и ясно указывается в ней не только окончательная цель — *полное экономическое освобождение трудящихся*, но и ведущее к ней средство — *непрерывная и непримиримая борьба классов*. Партия усвоившая эту программу не потеряется ни при каких обстоятельствах: она всегда сумет формулировать соответствующие данной минуте экономические требования, а главное, она никогда не даст массе успокоиться на этих требованиях, она научит ее ставить новые, все более и более широкие требования, она заразит ее духом борьбы, духом революции...»

К началу 90-х годов Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение Труда» установили основные программы и тактические положения революционной социал-демократии. Народничество покоилось на вере в «самобытные» пути развития России, избавляющие ее от необходимости пройти через капиталистическую стадию развития и ведущие ее к социализму через крестьянскую общину. Основоположники русской социал-демократии, и среди них в первую очередь Плеханов, доказывали, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, что революционная партия, если она не желает быть мертворожденной, должна считаться с неизбежностью дальнейшего развития капитализма и возлагать свои надежды не на разлагающуюся общину, а на пролетариат, рост которого связан с ростом капиталистических отношений. Народничество не принимало точки зрения борьбы классов и потому пути грядущей революции рисовались ему в утопическом очертании—то крестьянского восстания, дающего торжество «народным идеалам», то захвата власти революционной партией, декретирующей социализм. Наши первые социал-демократы твердо

стали на точку зрения классовой борьбы, пути революции видели в непрерывной и непримиримой борьбе самого революционного из классов—рабочего класса, которому принадлежит руководящая роль в борьбе с самодержавием, а затем в борьбе за окончательное освобождение трудящихся. Народники не были в состоянии примирить борьбу за социализм с борьбой за политическую свободу, они думали, что борьба за социализм несовместима с борьбой за свободу, так как свобода послужит только на руку буржуазии. Социал-демократия признала, что борьба за социализм не только не противоречит борьбе за политическую свободу, но, напротив, необходимо ее предполагает, так как только в свободных политических условиях и в непрестанной политической борьбе со своими классовыми врагами пролетариат может развить свою силу и сознание в такой мере, в какой это необходимо для низвержения буржуазного порядка и социалистического переустройства общества. Народовольчество, став на путь политической борьбы, выдвинуло идею захвата власти партией, диктатуру партии, Плеханов, вслед за Марксом, этой утопической идее противопоставил захват власти рабочим классом, диктатуру пролетариата. Народовольцы в своей политической борьбе апеллировали к «обществу», готовы были вступить на путь соглашения с либералами, а затем опустили до политиканства, примеры которого мы приводили выше. Социал-демократия, правильно оценив соотношение сил в борьбе с самодержавием, готова была поддержать всякое движение против абсолютизма, но в то же время настаивала на том, что рабочий класс не должен забывать о своей основной задаче—борьбе за социализм—и потому должен сохранить самостоятельность своей классовой политики, а партия его не только не должна сливаться с другими партиями, но должна оставить за собой руководство освободительной борьбой. Народники смотрели на работу среди пролетариата, как на подсобную, подчиненную работу среди крестьянства. Социал-демократия в основу своей революционной деятельности ставила пробуждение классового сознания пролетариата и его организацию. Принимая от народничества традиции кружковой пропаганды, Плеханов и Аксельрод уже к концу 80-х годов выдвигают задачу массовой агитации, сплочения наличных революционных сил, создания революционных организаций, приспособленных к задачам революционной агитации и к задаче образования рабочей партии.

Этот радикальный переворот в революционных воззрениях составляет тем большую историческую заслугу Плеханова и его товарищей, что он был произведен в то время, когда над умами революционной интеллигенции еще всецело господствовало народническое учение. Проповедь наших первых социал-демократов была встречена насмешкой и злобой. Плеханов рассказывает, что, прочитав «Наши разногласия», один из видных народников принял его

за человека, продавшегося царскому правительству. И этот наивный народник, конечно, не составлял печального исключения. Революционная мысль медленно сдвигалась с мертвой точки и оставалась во власти старых предрассудков еще и тогда, когда рядом с нею расцветало и крепло новое учение. Наши первые социал-демократы не смущались этим, шли своей дорогой, бросая в упорные головы все новые и новые идеи, близкое торжество которых было обеспечено глубоким внутренним процессом социального перерождения России. И уже в это первое десятилетие своего существования социал-демократия дала рабочему классу то знамя, с которым он мог уверенно идти к победе.

3. Социал-демократические кружки в России 80-х годов.

Если группа «Освобождение Труда», во главе с Плехановым, за десятилетие 80-х годов проделала громадную теоретическую работу, то о революционных кружках в России этого отнюдь сказать нельзя—здесь революционная мысль подвигалась вперед чрезвычайно медленно. Этому не нужно удивляться. Мы видели, что даже Плеханову приходилось постепенно приходить к окончательному и последовательному усвоению научного социализма,—конечно, еще более трудным должен был быть путь для тех, кто не обладал данными и возможностями, которые были в распоряжении основоположников российской социал-демократии. Первым социал-демократическим кружкам в России приходилось зарождаться в обстановке не только общественной реакции и апатии, но и в полном, так сказать, народническом окружении, преодолеть которое было не всегда легко, в особенности, поскольку все еще слабее рабочее движение не давало толчка энергичной и смелой работе мысли.

Народная Воля умирала и попытки воскресить ее закончились неудачей. Мы уже говорили о Германе Лопатине, который пытался восстановить народовольческую организацию, но сам был арестован и увлек за собою многих других. В 1887 г. группа народовольцев во главе с А. И. Ульяновым, братом В. И. Ленина, готовящая покушение на жизнь Александра III. По свидетельству Ольминского, террористическое настроение этих лет не может быть названо иначе, как настроением отчаяния. Идея террора носилась в воздухе, смысл его резюмировался словами: «Лучше погибнуть на эшафоте, чем влачить нынешнее существование. Авось, хоть наша смерть встряхнет общество». «Мужество людей в роде Ульянова и его товарищей,—писал Плеханов в 1890 году,—напоминает нам мужество древних стойков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития, эти люди не могли действовать иначе. Но вы видите в то же время, что их безвременная гибель